

Обед подошел к концу. Братья отнесли Ли Сылана обратно в комнату, заново наложили повязки, а затем уединились в кабинете, чтобы поговорить.

Поскольку вся семья наконец собралась вместе, Ли Эрлан не удержался и со смехом принялся подшучивать над младшим братом: Вы бы видели, как Сылан умолял сменить того, кто накладывал повязку, когда старший брат пришел помогать. Я чуть со смеху не помер!

Ли Санлан лишь беспомощно вздохнул: Сылан у нас упрямый, как осел. Как ни спрашивай, слова из него не вытянешь.

Ли Далан воспринял это как нечто само собой разумеющееся. Будь на месте младшего любой из них, результат был бы тем же. Уж больно у них у всех характеры схожие — упрямство в крови.

Кабинет в доме семьи Ли был невелик, но по местным меркам это было редкое строение из обожженного кирпича. Все в нем — от деревянных балок до черепицы — было самого высокого качества, прочное и надежное. Казалось, даже если рухнет главный дом, кабинет устоит.

Когда Ли Санлан начал ходить в частную школу в уезде, кабинет забросили. И лишь теперь, когда пришло время обучать Ли Сылана грамоте, комната снова ожила, а иначе в ней бы и не убирались вовсе.

На полках стояли почти одни лишь рукописные копии книг, которые приносил Ли Санлан. Чтобы больше читать и практиковаться в каллиграфии, он договорился с учителем: тот разрешил переписывать любые тексты, если они не будут продаваться. Десять лет пролетели как один день, и Ли Санлан, совмещая учебу с переписыванием, накопил целую библиотеку.

Расставив свежие копии по полкам, Ли Санлан достал старые прописи: Я только вернулся, а Сылан уже тащит меня учить «Шан Дажэнь». Это наши старые прописи, как только раны затянутся, заставлю его заниматься каждый день.

Эти потрепанные тетради переходили из рук в руки, ими пользовались все братья и сестры, и вот теперь очередь дошла до Ли Сылана. Ли Эрлан невольно вздохнул: Жаль, я не успел научить его правильно держать кисть — отец тогда задал мне трепку.

Ли Санлан принялся сортировать книги и заметил: Второй брат, он ведь всего несколько дней учится, а уже отлично запомнил толкования. Если бы на его месте были мы, даже если бы матушка сломала об нас палку, заставляя учиться, мы бы вряд ли справились так, как он.

Ли Эрлан удивился: Я его толкованиям не учил. Старший брат, когда ты успел? — он посмотрел на Ли Далана, но тот лишь покачал головой: в последние дни он был занят на сборе урожая и времени на обучение младшего у него не было.

Братья помрачнели. Наконец кто-то предположил: Неужели Цзиньнян его учит?

Ли Далан тут же отверг эту версию: В эти дни Цзиньнян была занята ткачеством вместе с матушкой и сестрами, у нее не было времени возиться с Сыланом.

Ли Эрлан воскликнул: Неужели это тот самый человек, который украл лепешку у Сылана?

Ли Санлан насторожился: Старший брат, второй брат, расскажите-ка мне все по порядку, что там у вас произошло?

Все, что обсуждали братья снаружи, Цзинь Цинъюэ слышал в своей картине предельно ясно. Но сейчас ему было не до их догадок — он сидел на корточках в своем травяном домике и с изумлением разглядывал новое открытие.

Когда братья вошли в кабинет, Цзинь Цинъюэ отдыхал в домике, краем уха слушая их разговор. Его взгляд случайно упал на землю у входа, и он замер. Там, под его ногами, проклюнулись три-четыре ростка высотой в пару сантиметров!

Цзинь Цинъюэ мог поклясться, что еще вчера вечером здесь ничего не было! Присмотревшись, он понял: ростки пробились прямо из косточек зизифуса! Корни, вырвавшись из твердой оболочки, цепко впились в почву.

Это ростки ююбы? Он вспомнил, что вчера действительно ел эти плоды, а косточки просто выплюнул перед домом. И они проросли!

Обнаружив эту тайну, Цзинь Цинъюэ вскочил, беззвучно ликуя. Это было невероятное открытие! Мало того, что они проросли за одну ночь, так еще и вытянулись на несколько сантиметров. Скорость роста была просто космической!

Цзинь Цинъюэ невольно задумался: неужели эта земля обладает магическим свойством ускорять рост растений? Если так, то даже случайно брошенная косточка прорастает, а уж ухоженные посевы и вовсе не погибнут!

Ой? Почему эта картина такая странная? — раздавшийся снаружи голос заставил Цзинь Цинъюэ вздрогнуть, и его воодушевление мгновенно поубавилось.

Он затаил дыхание, прислушиваясь к тому, что заметили братья.

Смотрите, кажется, Сылан подкрасил травяной домик на картине? Почему цвета расплылись? Неужели она заплесневела? — Ли Эрлан был наблюдателен и сразу заметил изменения.

Ли Санлан, который не видел картину до этого, тоже подошел ближе. Он коснулся

поверхности, потер пальцами и задумчиво произнес: Сначала подумал, что плесень, но присмотрелся — нет. С самой осени не было ни капли дождя, сырости нет, откуда взяться плесени? Да и по виду чернила не свежие, они того же времени, что и вся картина.

Ли Эрлан доверял своим глазам: Не может быть... Когда старший брат только повесил ее, я отчетливо помню: все было сухим и желтым.

Они еще немного поспорили, но так и не смогли найти объяснение. И главная причина была в том, что им и в голову не могло прийти, что внутри картины живет человек. В конце концов, они оставили эту затею.

Услышав, что братья потеряли интерес к картине, Цзинь Цинъюэ выдохнул. Значит, изменения в домике отражаются на полотне. Значит, если он что-то изменит на пустом участке перед домом...

Нет, с землей перед домом лучше не экспериментировать. Цзинь Цинъюэ решил пока не трогать ростки и посмотреть, во что они превратятся к завтрашнему утру.

Тем временем братья вернулись к столу. Ли Далан достал из-за пазухи кошель и протянул его Ли Эрлану: Эрлан, я тут скопил немного денег, возьми.

Ли Эрлан опешил и замахал руками: Старший брат, это же для Туаньлана! Эти деньги должны пойти на нужды невестки и племянника, зачем они мне?

У твоей невестки еще есть. Я слышал, что чеснок, как и пшеница, должен перезимовать, так что самое время готовиться. Как только разметим и расчистим пустоши, можно будет сажать.

Услышав это, Ли Эрлан перестал спорить, но засомневался: Старший брат, я ведь впервые собираюсь сажать чеснок. Опытных земледельцев не спрашивал, не знаю, сработает ли мой метод, а главное — я еще не нашел, кому его сбывать.

Ли Далан улыбнулся: Мы живем недалеко от границы, торговля идет бойко. Все знают, что такое чеснок, но никто в округе его не выращивает. Ты задумывался почему?

Конечно, знаю, — с гордостью ответил Ли Эрлан. — Изначально специи привозили сюда иноземцы из-за границы. Они держали торговлю в своих руках, цены ломили немислимые, а секреты выращивания скрывали. Когда специи были в моде, цена на них доходила до золота. А не выращивают их по двум причинам: во-первых, семена стоят безумно дорого, а во-вторых, торговля под контролем иноземцев — за самовольную продажу можно и поплатиться.

Цзинь Цинъюэ кивнул: вот оно что. А у этого Ли Эрлана смелости не занимать.

Ли Эрлан повернулся к Санлану: Санлан, поможешь мне рассчитать цену за цзинь риса?

Ли Санлан уверенно улыбнулся: С радостью.

На рынке рис измеряют доу (единица объема), а цзинь — это вес, напрямую их сравнить нельзя.

Считай по обычным ценам, — попросил Эрлан.

Хорошо. Доу риса стоит тринадцать вэней, а головка чеснока — десять вэней, так?

Верно.

Цзинь Цинъюэ усмехнулся: надо же, занялись арифметикой.

В ши десять доу, в ши сто шесть цзинь, значит, в одном доу... — Цзинь Цинъюэ быстро прикинул: десять и шесть десятых цзинь!

Десять цзинь, девять лян и шесть цяней, — продолжал Ли Санлан. — За это просят тринадцать вэней, значит, цзинь риса стоит меньше двух вэней, а если дешевле — то и один вэнь за цзинь. Головка отборного чеснока весит четыре лян, в цзинь их четыре, значит, цзинь чеснока стоит сорок вэней.

Вот это да! Рис меньше двух вэней, а чеснок — сорок. Разница поразительная.

Я еще не знаю, сколько нужно семян на му... боюсь, немало потребуется.

Цзинь Цинъюэ, слушая их, отметил: раз десять и шесть десятых цзинь равны десяти цзинь, девяти лян и шести цяням, значит, здесь в одном цзинь не десять, а шестнадцать лян.

Если предположить, что головка чеснока весит четыре лян, то в цзинь их четыре. В каждой головке по десять зубчиков. На один му (около 666 кв. м) при посадке через каждые десять сантиметров в ряду и тридцать сантиметров между рядами потребуется больше двадцати тысяч зубчиков — то есть больше двух тысяч головок.

Получается, только на покупку семян уйдет больше двадцати тысяч вэней. И это без учета остальных затрат, да еще и без гарантии, что урожай взойдет. При цене риса в один вэнь за цзинь, крестьяне здесь зарабатывают немного. Дешевое зерно разоряет земледельца — вечная истина.

Такие огромные вложения пугают многих, вот они и продолжают по старинке выращивать просо, радуясь, если к концу года остается хоть немного лишнего зерна.

Ли Санлан открыл рот: Я могу подождать два года...

Он не успел договорить, как Ли Эрлан резко его оборвал: Нет! Ни я, ни старший брат не согласны, и отец с матерью тоже! Я сказал, что хочу попробовать, но это не значит, что это единственный путь. Ты ни в коем случае не должен бросать учебу ради меня!

Но...

Ли Эрлан рассердился: Ты начал учиться в шесть лет, читаешь стихи и пишешь эссе, учителя тебя хвалят! Книг накопилось столько, что кабинет забит, нельзя все бросить на полпути! Если еще раз заговоришь о том, чтобы бросить учебу, я попрошу отца выпороть тебя, как Сылана!

Помолчав, он добавил уже мягче: И самое главное, семена чеснока трудно найти. Купить пару головок — еще куда ни шло, но если нам понадобится сотня, иноземные торговцы ни за что не согласятся нам их продать.

Этот аргумент попал в точку, и Ли Санлан замолчал. Ли Эрлан, то убеждая, то угрожая, боялся, что брат упрется и бросит учебу — если до этого дойдет, отец с матерью с него живого не слезут.

К счастью, Ли Санлан больше не заикался о том, чтобы бросить школу. Чтобы избежать дальнейших споров, Эрлан нашел предлог: Иди приберись в кабинете, а мы со старшим братом пойдем нарубим дров. С этими словами он потащил Ли Далана прочь из дома.

Сентябрь, урожай собран, все свободны. Людям нужен отдых, земле тоже. После сбора проса поля обычно оставляют под паром до весны, а иногда засевают травами или пшеницей, чтобы собрать урожай в начале следующего года.

Выйдя из кабинета, Ли Далан похлопал брата по плечу, прося не волноваться. Ли Эрлан вздохнул и пошел прогуляться, а Ли Далан отправился искать жену и сына.

За домом тянулись бескрайние поля. Земля была не самой плодородной, вдали виднелись пологие холмы, засаженные тутовником. Дом семьи Ли стоял поодаль от деревни, до ближайших соседей было минут пятнадцать ходьбы, а до центра деревни — и того больше. Они построили дом здесь, чтобы быть ближе к полям и не тратить время на дорогу.

Сянлан! Ты куда? — услышал Ли Эрлан окрик. Обернувшись, он увидел нескольких дальних родственников из деревни, которые, судя по всему, тоже направлялись в центр.

Вы куда?

В деревню. Отец сказал, что после сбора урожая пора разобраться с дикими кабанами, которые разоряют наши поля.

Остальные наперебой заговорили: Мое поле как раз у подножия горы, кабаны совсем обнаглели, сколько проса перепортили!

Старейшины уже говорили с деревенским старостой, только что передали, чтобы все собирались для обсуждения. Мы хотим собрать отряд и пойти на охоту!

Ли Эрлан не проявил интереса: Понятно. Через пару дней придут чиновники собирать налог, вы готовы?

Конечно, — ответили они, но тут же переключились на Эрлана: Сянлан, ты же уже записан как совершеннолетний, не знаешь, какой надел тебе достанется? В Верхней Ли свободной земли нет, боимся, отправят в Нижнюю.

Ли Эрлан тоже заволновался: Хоть бы дали участки поближе друг к другу, да хоть пару клочков хорошей земли.

Каждому взрослому мужчине, внесенному в списки, власти выделяли сто му земли. Большая часть — целина, но часть — уже возделывавшиеся когда-то наделы, которые возвращались государству после смерти или старости предыдущих владельцев.

Когда они добрались до дома старосты, двор был полон людей. Там были и отец с матерью Ли Эрлана. Все обсуждали предстоящую охоту. Те, чьи поля пострадали от кабанов, жаждали мести, а любители мяса — легкой добычи.

Цены на мясо сейчас кусаются, если добудем кабана — будет чем встретить Новый год!

Я тоже пойду, у меня дети от мяса отказываются, требуют!

Желающих было много, никто не боялся кабанов. Все они были крепкими мужчинами, прошедшими военную подготовку. По законам Дали, каждый здоровый мужчина с двадцати лет обязан был служить. В мирное время солдаты тренировались в местных гарнизонах, а в остальное время занимались хозяйством, сами обеспечивая себя оружием. В случае войны они должны были немедленно явиться к месту сбора.

Сейчас же речь шла всего лишь о кабанах, и все были в восторге от предстоящей охоты. Отец Ли Эрлана уже было хотел записаться, но мать тихо его одернула: Скоро начнется межевание земли, потом расчистка целины, а там и фрукты собирать! Куда ты в лес собрался? У нас что, мяса не хватает?

Услышав жену, отец Ли Эрлана отступил. Вскоре староста распределил обязанности, назначил время охоты — через два дня после сдачи налога — и наказал всем явиться с оружием в назначенный час.

<http://bllate.org/book/20806/2091670>